

Вернувшись в Шанцзин в поместье Се, Се Линъи всего за несколько дней вновь вникла во все тонкости жизни знатного дома: от запутанных переходов и галерей до скрытых правил и порядков, царящих в этом глубоком, обнесенном высокими стенами особняке.

Однако она не стала предаваться этой показной безмятежности. Уладив дела во дворе Шуюй, она позвала Цин Юй и Лю Юнь, и вскоре небольшая повозка с синим пологом бесшумно выехала через боковые ворота поместья, направляясь напрямик к восточной части города.

Цветочная лавка притаилась на углу шумной, но не слишком людной улицы в восточном квартале. Она находилась неподалеку от проспекта Чжуцзюэ, но не на самой главной дороге. Вход был скрыт в тени старой софоры, а вывеска, на которой значилось лишь три иероглифа — Иньфанчжай, — почти не бросалась в глаза.

Цин Юй подошла к дверям и тихо постучала. Вскоре на пороге появился юноша в синем халате; его взгляд был ясным, а движения — ловкими и уверенными.

Се Линъи не стала тратить слова попусту и лишь мягко улыбнулась:

— Я договаривалась с хозяйкой лавки, пришла взглянуть на нефритовый чай, что доставили вчера.

Глаза юноши едва заметно блеснули. Он тут же склонил голову и, поняв всё без лишних слов, проводил троицу внутрь.

Стоило им войти, как воздух окутал тонкий аромат: смесь свежего чая, туши, сухих трав и едва уловимого запаха старого дерева. Это мгновенно успокоило мысли. Юноша молча провел их за ширму, расписанную черными камелиями, и открыл скрытую лунную дверь.

Из глубины помещения, услышав шаги, вышла женщина лет сорока. На ней был халат из небесно-голубого шелка, а темные волосы, собранные в простую прическу, удерживала лишь одна заколка из белого нефрита. Лицо её было тонким и благородным.

Увидев Се Линъи, она на мгновение замерла, в её глазах отразились волнение и облегчение. Она тут же поклонилась, сложив руки в глубоком приветствии:

— Шэнь Хуэйсинь приветствует молодую хозяйку.

Се Линъи сделала шаг вперед и поддержала её за локоть:

— Госпожа Шэнь, не нужно лишних формальностей. За эти годы наша сеть в Шанцзине стала такой обширной — вы проделали огромную работу.

— Молодая хозяйка слишком добра ко мне, — Шэнь Хуэйсинь выпрямилась и, внимательно глядя в лицо Се Линъи, мягко улыбнулась. — Ваша стать и достоинство — словно отражение покойной хозяйки в молодости. Даже без жетона я бы ни за что не ошиблась.

Шэнь Хуэйсинь пригласила Се Линъи сесть и, отбросив светские любезности, перешла к делу. Её тон стал суровым:

— Что касается тех солдат, что напали на вас на тракте: после тщательной проверки способов ведения боя стало ясно — это точно личные войска Го Цзюньюя. Всё в точности, как вы и предполагали.

Она сделала паузу, слегка нахмурившись:

— Что касается бумаг о перераспределении продовольствия в Ланъяне, то отчеты выглядят безупречно: цифры, печати, процедура — придаться не к чему. Если смотреть только на этот документ, проблем нет. Чтобы найти зацепку, нужно восстановить всю цепочку документов от начала до конца. Я уже отправила людей, мы приложим все силы, чтобы найти недостающие бумаги.

Се Линъи молча слушала. Предстоял долгий путь.

— А те, кто прикрыл вас от убийц... Я смогла выяснить лишь то, что они профессиональные военные. Но кто это — армия Чжэньбэй или армия клана Лу — я пока не уверена.

— Армия клана Лу? Разве они не погибли в Ланъяне до последнего человека?

— Вот именно это меня и смущает. Но, судя по описанию телохранителей господина У, они использовали именно приемы армии клана Лу. Главарь той группы очень похож на молодого генерала Пэй Чжаохэна и его верного Цинсуня. Но в те дни, когда на вас напали, они, по всем данным, были на западном рынке, участвовали в петушиных боях. Наши люди вряд ли могли ошибиться.

— Молодой генерал Пэй? Он совсем не похож на разгульного ловеласа, погрязшего в кутежах,
— Се Линъи слегка взмахнула веером.

Шэнь Хуэйсинь тихо рассмеялась:

— Если бы эти слова услышали на улицах Шанцзина, все были бы крайне удивлены.

Она чуть посерьезнела и объяснила:

— После того как молодой генерал Пэй доставил посланников Усуня в столицу, и наследный принц, и Ван Чэн пытались перетянуть его на свою сторону. Он был нарасхват. Но на аудиенции у императора он прямо заявил: Ваше Величество, я слышал, что Хо Цюйбин в восемнадцать лет прославился в боях, а в двадцать один уже совершил великие подвиги. Считаю, что и я не уступлю ему. Но моё эгоистичное желание — не повторить судьбу генерала Хо, который не прожил ни дня в свое удовольствие и рано ушел из жизни, оставив лишь сожаления. Раз с Усунем покончено, а на севере временно спокойно, не проявите ли Вы милость, забрав мой военный пост? Позвольте мне насладиться всеми радостями жизни здесь, в процветающем Шанцзине.

Император, услышав это, не разгневался, а, напротив, пришел в восторг и осыпал его наградами. С тех пор молодой генерал Пэй стал завсегдатаем цветочных домов, игорных притонов и арен для петушиных боев. Он не просто развлекался, а делал это с особым размахом, сорил деньгами и вел себя до крайности распутно. Сейчас он — первый среди столичных повес. Он даже хвастается, что наслаждается жизнью по императорскому указу. Его поведение настолько вызывающе, что даже самые безнадежные отпрыски знатных семей признают: им до него далеко. Даже наследный принц и Ван Чэн теперь обходят его стороной, боясь замараться дурной славой.

Этот прием — наслаждаться жизнью по указу — на первый взгляд казался нелепым, но на деле выдавал тонкое понимание императорской воли. Император явно остался доволен: награды, что рекой текли в поместье Герцога Ин, были не чем иным, как платой за спокойствие.

Интересно лишь, что бы сказал его отец, Герцог Ин Пэй Цин — человек суровый и прямолинейный, всю жизнь положивший на алтарь верности престолу, — если бы узнал, во что превратился его младший сын, на которого он возлагал столько надежд.

При этой мысли уголки губ Се Линъи невольно дрогнули.

Она собралась с мыслями, отложила раздумья о Пэй Чжаохэне в сторону и снова посмотрела на Шэнь Хуэйсинь:

— За старыми вояками армии Лу и молодым генералом Пэем пока просто наблюдайте. Сейчас главное — доказательства по делу Ланъяна. Госпожа Шэнь, прошу вас, приложите все усилия, чтобы найти нити, ведущие к тем документам.

То, что записи о продовольствии оказались вложены в Записки Вэнь Юаня, было неслучайно. Это был знак. А раз дело касается её дорогого дядюшки, нужно вцепиться в него мертвой хваткой и докопаться до истины.

— Будьте спокойны, молодая хозяйка. Иньфанчжай существует именно для этого.

Шэнь Хуэйсинь торжественно пообещала.

Поговорив ещё немного и договорившись о каналах связи и других опорных пунктах, Се Линъи поднялась, чтобы уйти. Шэнь Хуэйсинь проводила её до дверей внутреннего зала, а дальше не пошла, лишь проводила взглядом. Юноша молча вывел их через переднюю часть лавки, и они бесшумно покинули её через боковую дверь.

Выйдя из Иньфанчжай, Се Линъи вместе с Лю Юнь и Цин Юй отправилась в резиденцию У. Она велела слугам занести два бонсая, выбранных в лавке.

— Цзяоцзяо пришла!

Се Линъи не видела У Цзиньюя десять лет. Услышав голос, она подняла голову и увидела глубокого старца, выходящего из ворот. Его волосы и борода были белы, как первый зимний снег, но лицо сохранило здоровый румянец, а глаза светились теплотой и ясностью, словно в морщинках у глаз затаилась весна. Он был одет в поношенный синий халат, а спину держал прямо, как сосна.

— Господин У, за столько лет вы ничуть не изменились, — улыбнулась Се Линъи.

— Когда ты уезжала из столицы, мне уже было шестьдесят семь. Куда уж стареть дальше? — У Цзиньюй причмокнул, с удовольствием разглядывая бонсай. — Всё-таки наша Цзяоцзяо самая почтительная. Столько лет прошло, а до сих пор помнишь, что мне нравится.

— Когда принцесса Чуннин и старшая сестра писали письма, они часто вспоминали, что вы любите бонсаи. Вот я и попросила привезти их из Тунчжоу специально для вас, — ответила Се Линъи.

— Десять лет не виделись, а ты уже отдалилась! Раньше звала дедушкой У, а теперь — господином У. Цзяоцзяо, ты что, принесла этот подарок только для того, чтобы попросить меня о чем-то, как и все остальные? — У Цзиньюй притворно рассердился и отвернулся.

— Дедушка У, старик У, как я могу от вас отдалиться? — Се Линъи подошла ближе и под руку повела его во внутренний двор. — Но, честно говоря, у меня действительно есть к вам просьба.

— Просьба, значит? — У Цзиньюй достал из рукава документ и вложил ей в руку. — Взгляни, не это ли ты ищешь?

Се Линъи развернула бумагу:

— Дедушка, вы просто чудо!

— То-то же. Кто знает Цзяоцзяо лучше, чем старик У? — У Цзиньюй довольно погладил бороду.

— Донесение опального чиновника Лу Сяоханя: Ланъян в осаде уже месяц, продовольствие на исходе, народ в панике. Пути отрезаны, документы не вывезти. Сегодня утром узнали, что Пусан затевает неладное. Даже если придет подмога, боюсь, будет поздно. Но у меня есть долг перед этой землей, я готов погибнуть вместе с городом. Прошу власти немедленно отправить войска на гору Юньшань, необходимо удержать её любой ценой.

— Не сходится, — задумчиво произнесла Се Линъи. — Смысл этого донесения почти такой же, как в том, что мы с бабушкой получили на горе Юньшань в тот вечер. Город уже не удержать, генерал Лу просил не продовольствия, а хотел предупредить. Если люди Пусана прорвутся в нашу империю Шэн, то после Ланъяна самым уязвимым местом станет Юньшань. А если падет Юньшань, то Хуайнань останется без защиты. Значит, войска нужно было отправлять на Юньшань, а не в Ланъян. Это первое подозрение.

Второе: письмо датировано двадцать четвертым днем шестого месяца — тем же днем, когда мы получили тайное донесение. Если считать по самому быстрому пути, сообщение вышло из Ланъяна в час петуха. Юньшань и региональное управление находятся в одной стороне. Если это письмо было отправлено в управление Чучжоу одновременно, то до Чучжоу оно шло три часа, оттуда до Цинлина — час, а от Цинлина до Ланъяна — четыре часа. Самое быстрое — утро следующего дня. Но когда мы прибыли в Ланъян в час крысы, Го Цзюньюй уже выбил пусанцев из страны. Это второе подозрение.

— Верно. Но тот факт, что ты получила тайное донесение на Юньшане, нельзя использовать как доказательство. К тому же этот негодяй Го вернулся в столицу только двадцать шестого, в его отчетах нет этих точных временных меток, а все документы, которые он предоставил, в полном порядке.

— Неудивительно, что он хотел прибрать к рукам зерно, которое мы везли. Он просто хотел потянуть время на пару дней.

— Итак, Цзяоцзяо, ты понимаешь, с чего теперь нужно начинать расследование?

Се Линъи бережно спрятала документ и почтительно поклонилась У Цзиньюю:

— Спасибо за наставление, дедушка У, я всё поняла.

— Хорошо, — У Цзиньюй сел, взял шахматную фигуру и протянул её Се Линъи. — Раз уж пришла, сыграй со мной партию, прежде чем уйти. Расскажу тебе, что сейчас творится в Шанцзине.

<http://bllate.org/book/19397/1899337>